Учреждение Российской академии наук
Институт славяноведения РАН

Постоянный представитель
Польской академии наук при РАН в Москве

РЕВОЛЮЦИОННАЯ РОССИЯ 1917 года И ПОЛЬСКИЙ ВОПРОС: НОВЫЕ ИСТОЧНИКИ, НОВЫЕ ВЗГЛЯДЫ

Москва
2009

Е. Ю. Борисенок

Влияние польского фактора на политику большевиков по национальному вопросу (Большевики и украинский вопрос в 1917—1923 годах)

Как известно, еще на II съезде РСДРП в 1903 г. было сформулировано требование «права на самоопределение за всеми нациями, входящими в состав государства». После прихода к власти большевиков, в «Декларации прав народов России» были зафиксированы принципы свободного развития и равноправия народов: равенство и суверенность народов России, право народов на свободное самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельного государства, отмена национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений. Однако право наций на самоопределение рассматривалось большевиками как вынужденная мера и предпосылка для последующего перехода к централизованному унитарному демократическому государству социалистического типа. Как писал В. И. Ленин в письме к С. Г. Шаумяну в декабре 1913 г., «мы стоим за право на отделение ввиду черносотенного великорусского национализма, который так испоганил дело национального сожительства, что иногда больше связи получается после отделения!! Право на самоопределение есть исключение из нашей общей посылки централизма...»[1].

Политика большевиков в отношении Украины вполне соответствовала этому высказыванию. Поскольку 7(20) ноября 1917 г. Центральная рада провозгласила образование Украинской Народной Республики без отделения от России, большевики сделали ставку на переход власти на Украине в руки советов. 22 ноября (5 декабря) 1917 г. на первом всероссийском съезде военного флота В. И. Ленин, оценивая происходившие в стране события, подчеркнул приоритет классового принципа в построении российско-украинских отношений. Он заявил, что большевикам «нечего бояться» распада России на отдельные республики: «Сколько бы ни было самостоятельных республик, мы этого страшиться не станем. Для нас важно не то, где проходит государственная граница, а то, чтобы сохранялся союз между трудящимися всех наций для борьбы с буржуазией каких угодно наций. ...Мы скажем украинцам: как украинцы, вы можете устраивать у себя жизнь, как вы хотите. Но мы протянем братскую

руку украинским рабочим и скажем им: вместе с вами мы будем бороться против вашей и нашей буржуазии»[2]. На Всеукраинском съезде советов 11 (24) декабря 1917 г. в Харькове украинские большевики объявили о переходе власти в их руки. Поскольку Центральная рада не была согласна с таким решением, противостояние вскоре приняло вооруженные формы. «Мы обвиняем Раду в том, — писал Ленин, — что, прикрываясь национальными фразами, она ведет двусмысленную буржуазную политику, которая давно уже выражается в непризнании Радой Советов и Советской власти на Украине...»[3]. Большевистские войска начали наступление и к середине января (по ст. ст.) 1918 г. захватили власть почти на всей Правобережной Украине. В свою очередь Центральная рада провозгласила 11 (24) января 1918 г. независимость УНР. Переговоры о мире со странами Четверного союза, начавшиеся в декабре 1917 г., придавали борьбе за власть на Украине особую остроту: большевики, стремясь не допустить подписание договора с правительством УНР, пытались овладеть Киевом. Советские войска под командованием М. А. Муравьева 26 января (8 февраля) 1918 г. вступили в Киев, официально сообщив о ликвидации последних очагов сопротивления и овладении всеми правительственными зданиями в 10 часов вечера. Большевики рассчитывали: если немцы и заключат «фиктивный договор с мертвецами», то «шила в мешке не утаишь». Однако договор Четверного союза с Украинской Народной Республикой все же был заключен буквально в ночь на 27 января (9 февраля)[4]. Германские войска восстановили власть Центральной рады на Украине.

В соответствии с условиями Брестского мира большевики признали независимость УНР, хотя и считали это мерой вынужденной, а существование независимой Украины — лишь результатом внешнеполитических обстоятельств, лишенным каких-либо внутренних обоснований. Тем не менее изменившаяся обстановка обусловила необходимость создания действенного большевистского центра на Украине, и в июле 1918 г. была создана Коммунистическая партия (большевиков) Украины. Выступая с докладами на I съезде КП(б)У, делегаты выразили свое отношение к независимой Украине. «Самостоятельность Украины, добытая не силой национального движения масс украинского народа, а силой немецких штыков, не имеет никаких серьезных корней, — говорил один из инициаторов создания КП(б)У Э. И. Квиринг. — Украина связана с Россией теснейшими экономическими узами двустороннего характера. ...«Самостоятельность» Украины не имеет никаких экономических оснований и для продолжения самостийнической политики, для длительного разделения этих двух частей ранее единой России, необходима посторонняя помощь...»[5]. «Самостийность — ширма для контрреволюционной борьбы против Советской власти»[6], — горячился активный участник установления советской власти на Украине Н. А. Скрыпник.

В ноябре 1918 г. ситуация в «украинском вопросе» вновь изменилась, и после поражения Германии и начала в ней революции большевики предприняли попытку восстановить на Украине советскую власть. Хотя украинские большевики и отказывали «национальному движению масс» в реальном влиянии среди украинского населения, продвижение Красной армии было обставлено всеми необходимыми атрибутами в виде создания временных советских правительств. 29 ноября 1918 г. В. И. Ленин отправил главкому И. И. Вацетису телеграмму следующего содержания: «С продвижением наших войск на запад и на Украину создаются областные временные Советские правительства, призванные укрепить Советы на местах. Это обстоятельство имеет ту хорошую сторону, что отнимает возможность у шовинистов Украины, Литвы, Латвии, Эстляндии рассматривать движение наших частей, как оккупацию, и создает благоприятную атмосферу для дальнейшего продвижения наших войск. Без этого обстоятельства наши войска были бы поставлены в оккупированных областях в невозможное положение, и население не встречало бы их, как освободителей»[7].

6 января 1919 г. Временное рабоче-крестьянское правительство провозгласило образование Украинской Социалистической Советской Республики. Первоначально, весной — осенью 1919 г., большевики рассчитывали добиться слияния этих двух республик. 23 апреля 1919 г. Политбюро ЦК РКП(б) предложило ЦК КП(б)У обсудить вопрос, при каких условиях и в какой форме такое слияние будет проведено[8]. В проекте тезисов о политике на Украине, подготовленном к заседанию Политбюро ЦК РКП(б) 21 ноября 1919 г., В. И. Ленин отмечал: «Пока — самост[оятельная] Укр[аинская] С[оциалистическая] Р[еспублика], в тесной федерации с РСФСР... п. 2 на Политбюро ЦК РКП(б) 21.XI.19 “принять с указанием, что до созыва украинского съезда Советов Украина и Россия федерируются на основе резолюции ВЦИК и постановления Политбюро от 1.VI—19 г. и что в то же время партийным путем ведется осторожная подготовка планов слияния Украины и России”»[9].

Желание большевиков добиться «полного слияния» Украины с Россией было крайне велико. Между тем они вынуждены были скорректировать свои планы, и единое государство было образовано не путем слияния, а путем объединения внешне независимых национальных рес-

публик. Причиной такого изменения курса большевистского руководства обычно называют сложную ситуацию в национальных республиках. Действительно, к лету 1919 г. стало очевидным недовольство украинского крестьянства (равно как и в России) большевистской аграрной политикой — экспедициями продотрядов за хлебом; «дикими» реквизициями, проводимыми Красной армией в условиях отсутствия снабжения из центра; введенной 12 апреля продразверсткой на урожай предыдущих лет.

Однако следует учитывать еще один немаловажный фактор, повлиявший на эволюцию политики большевиков по национальному вопросу: сложную внешнеполитическую ситуацию. На изменение позиции большевиков в отношении Украины оказала очевидное влияние позиция Польши. Как известно, в начале XX в. в польских политических кругах активно обсуждался вопрос о путях достижения независимости. Одни главную опасность в деле возрождения Польши видели в Германии, другие — в России. Последние обращали внимание на то, что Россия владеет большей частью земель Польши и бывшей Речи Посполитой. Они были убеждены, что Российскую империю ожидает распад, и произойдет он по национальному признаку. Подобные взгляды разделял и «начальник государства» Ю. Пилсудский. Именно с именем Пилсудского и его соратников связано такое специфическое направление восточной политики польского государства межвоенного периода, как «прометеизм», трансформировавшийся из довоенной концепции «федерализма». Напомним, что целью «потомков Прометея» было разделение Советской России в ближайшей перспективе по национальным швам, ограничение ее границами XVI в., а также расширение сферы политического и экономического влияния Польши на востоке путем создания федерации в составе Финляндии, балтийских государств, Белоруссии, Украины, крымского и казаческого государств, союза государств Кавказа[10].

Польша рассчитывала создать барьер между собою и Россией из независимой Украины, надеясь на переход украинского государства под польское влияние. Как подчеркивает И. В. Михутина, об этом ясно говорилось в одном из секретных информационно-политических документов, подготовленном в марте 1920 г. по указанию Пилсудского для командного состава Волынского фронта. Там, в частности, указывалось: «В настоящее время польское правительство намерено поддержать национальное украинское движение, чтобы создать самостоятельное украинское государство и таким путем значительно ослабить Россию, оторвав от нее самую богатую зерном и природными ископаемыми окраину»[11].

Свои территориальные претензии Польша стремилась закрепить официально, используя антибольшевистские настроения стран Антанты и поддержку Франции. Последняя, рассматривая независимое польское государство в качестве щита между русским большевизмом и германской революцией, оказывала активную помощь полякам путем поставок военного снаряжения и военных инструкторов. В декабре 1918 г. на переговорах с представителем парижского Польского национального комитета С. Грабским Пилсудский заметил, что восточная граница Польши должна пройти по линии небольших украинских и белорусских рек Улла—Березина—Случь—Горынь—Ушица. Участника Парижской мирной конференции Л. Василевского «начальник государства» инструктировал таким же образом: восточная граница должна обеспечить вхождение в Польшу железной дороги Драгобыч—Львов-Ковель—Пинск—Лунинец—Барановичи—Вильно и ее «прикрытие» в виде пояса болот и лесов Припяти[12].

Кроме того, пользуясь благоприятными условиями, польское руководство пошло на переговоры с украинцами, рассчитывая на создание польско-украинского союза на антибольшевистской основе. Первые контакты правительства Украинской Народной Республики с Польшей приходятся уже на конец 1918 — начало 1919 гг. 31 декабря в Варшаву была направлена украинская миссия во главе с проф. В. Прокоповичем, целью которой было добиться помощи Польши в борьбе с большевиками. В свою очередь, поляки также стремились наладить дипломатические контакты с УНР и отправили в январе 1919 г. на Украину специального представителя для проведения консультаций с украинскими политическими кругами[13].

Однако достичь соглашения было не просто из-за территориальных противоречий между Польшей и УНР: и те, и другие претендовали на Восточную Галицию. Парижская мирная конференция пыталась урегулировать этот вопрос. В конце концов, в феврале 1919 г. Совет десяти Парижской конференции согласился с территориальными претензиями Польши в Восточной Галиции и разрешил ввести туда польские войска для «охраны от большевистских банд». Правящие круги УНР вынуждены были учесть данное обстоятельство. В мае 1919 г. Директория одобрила решение о начале мирных переговоров с Польшей. В этом же месяце к Петлюре прибыл особый представитель Ю. Пилсудского подполковник Я. Заглоба-Мазуркевич[14].

1 сентября 1919 г. было заключено прелиминарное соглашение между УНР и Польшей. Положение армии УНР было крайне тяжелым, и Пет-

люра решил отказаться от западноукраинских земель в обмен на военную помощь. В октябре 1919 г. в Варшаву прибыла делегация во главе с министром иностранных дел УНР А. Левицким. При украинской делегации действовала военно-дипломатическая миссия, приложившая большие усилия для налаживания военного сотрудничества между УНР и Польшей. В начале 1920 г. на территории Польши началось формирование украинских военных частей.

Отношения же между Польшей и РСФСР складывались крайне сложно. Польское руководство не без оснований подозревало советское руководство в попытках вызвать революцию в Польше, но, с другой стороны, относилось к В. И. Ленину и Л. Д. Троцкому как к меньшему злу по сравнению с белым движением и его лозунгом «Единой и неделимой России».

Столкновения между польскими и советскими войсками, начавшиеся еще в ноябре 1918 г., вспыхивали на протяжении всего следующего года. Между тем переговоры Польши и УНР осенью—зимой 1919 г. стали приносить плоды. Однако польская военная помощь Петлюре была оказана только в следующем году. Осторожная позиция Ю. Пилсудского объяснялась наступлением на Москву А. И. Деникина. В этой ситуации вмешательство Польши могло сыграть последнему на руку, что было крайне невыгодно полякам: Деникин не желал признавать независимость Польши и представлял еще большую опасность, чем большевики. В то же время Польша не ответила и на предложение Совнаркома РСФСР 22 декабря 1919 г. начать мирные переговоры.

В условиях недовольства крестьянства и устремлений украинских политиков вкупе с внешнеполитическими расчетами Польши, ситуация для большевиков обострилась до крайности. Соединение этих нескольких факторов воедино было бы крайне опасным. Потерпев неудачу в переговорах с поляками, которые не пошли на заключение мира с РСФСР, видя крайнюю заинтересованность Польши судьбой западных окраин бывшей Российской империи, большевистское руководство в Москве решило дополнительно обезопасить себя, прекратив попытки развернуть пропаганду слияния двух советских республик и тщательно отслеживая внешнеполитические шаги Польши. Так, в начале февраля 1920 г. комиссар иностранных дел Г. В. Чичерин уведомлял ЦК РКП(б), что, по сообщению французского радио в Варшаве, Польша собралась потребовать независимости Украины[15].

Пользуясь тем, что А. И. Деникин не оставил на Украине о себе доброй памяти своей программой возрождения великой империи и реставрацией помещичьей власти, центральное большевистское руководство

в Москве призвало к особо внимательному отношению к национальным чувствам украинцев. 28 декабря 1919 г. В. И. Ленин написал «Письмо к рабочим и крестьянам Украины по поводу побед над Деникиным». Лидер большевиков провозгласил, что только украинские рабочие и крестьяне «на своем Всеукраинском съезде Советов» могут решить вопрос о судьбе Украины. Ленин объявил о готовности большевиков пойти на уступки в столь важном вопросе: «...Мы, великорусские коммунисты, должны быть уступчивы при разногласиях с украинскими коммунистами-большевиками и боротьбистами, если разногласия касаются государственной независимости Украины, форм ее союза с Россией, вообще национального вопроса»[16].

Насколько серьезно большевистский лидер относился к положению на Украине, свидетельствуют ленинские записки и телеграммы того времени. В декабре 1919 г. в записке в Политбюро ЦК РКП(б) В. И. Ленин призывал установить самый жесткий контроль над ситуацией: «За неприсылку отчетов *арестовывать*. Иначе прозеваем Украину»[17]. В телеграмме Сталину от 22 февраля 1920 г. Ленин настаивал на необходимости «немедленно завести переводчиков во всех штабах и военных учреждениях, обязав безусловно всех принимать заявления и бумаги на украинском языке». Ленин подчеркивал, что это «безусловно необходимо» — «насчет языка все уступки и максимум равноправия»[18].

После же поражения А. И. Деникина Варшава начала готовиться к решительной схватке. 21 апреля 1920 г. переговорный процесс между УНР и польским правительством завершился заключением Варшавского договора. Был подписан секретный протокол о разделе Украины: Польша признавала Петлюру главой независимой Украины в обмен на Галицию. На советско-польском фронте польские войска перешли в наступление и в мае захватили Киев, пройдя парадом по Крещатику. Однако захват Киева вызвал небывалый патриотический подъем в Советской России. Красная армия в июле 1920 г. разгромила польскую группировку на Украине и в Белоруссии. Большевики продолжили наступление, желая превратить войну оборонительную в наступательную революционную.

Началось наступление на Варшаву, конечной целью был Берлин. Как вспоминал В. М. Молотов, «Ленин поставил целью использовать навязанную Пилсудским войну с Польшей, чтобы пройти войсками и «прощупать штыком», не готова ли Германия к началу пролетарской революции»[19]. В связи с наступлением Красной армии в Польше руководство РКП(б) считало возможными крупные классовые выступления рабочих, как в Польше, так и в Венгрии, Чехословакии, Румынии, Италии[20]. Рассчи-

тывая на «советизацию» Польши, В. И. Ленин готов был пойти и на территориальные уступки. 11 июля 1920 г. министр иностранных дел Великобритании Д. Керзон потребовал от советского правительства остановить наступление Красной армии на линии, определенной Верховным советом Антанты в декабре 1919 г. в качестве восточной границы Польши (Гродно—Яловка—Немиров—Брест—Литовск—Дорогобуж—Устилуг — восточнее Грубешова, через Крылов — западнее Равы-Русской, восточнее Перемышля — до Карпат). Пытаясь «помочь пролетариату и трудящимся массам Польши и Литвы освободиться от их буржуазии и помещиков»[21], В. И. Ленин отправил 15 июля 1920 г. телеграмму И. С. Уншлихту, в которой говорилось о готовности обеспечить «польским рабочим и крестьянам границу восточнее той, которую дает Керзон и Антанта»[22]. Но расчеты большевиков не оправдались: в докладе на IX конференции РКП(б) Ленин признал, что «прощупать готовность Польши к социалистической революции удалось чрезвычайно мало»[23]. Поляки в массе своей восприняли Красную армию не как освободительную и революционную, а как захватническую. Произошло известное «чудо на Висле», Красная армия была отброшена от Варшавы, тысячи красноармейцев взяты в плен. Советско-польскую войну завершил мир, подписанный в Риге в марте 1921 г., по которому Польша получила земли Западной Украины и Западной Белоруссии.

Однако утративший формально силу польско-украинский военно-политический союз продолжался еще не менее года. После подписания Рижского мирного договора из интернированных украинцев при содействии польских спецслужб были созданы отряды. Целью их было вторжение в Украину, чтобы поднять там восстание. Это и произошло в октябре—ноябре 1921 г. Хотя первоначальные планы польских спецслужб потерпели неудачу, лагеря для интернированных военнослужащих УНР просуществовали в Польше до 1924 г.[24] По данным польских государственных регистрационных органов, общая численность украинской эмиграции в конце 1920 г. составляла 43 тыс. человек[25]. При этом в Польше нашли пристанище и многие украинские политики, что вызывало серьезную озабоченность ВЧК. В своем письме в украинскую ВЧК 11 ноября 1921 г. Ф. Э. Дзержинский указывал: «Петлюровская же авантюра, к сожалению, на Украине недооценивается. По всем данным, это предвестник планов Польши дезорганизовать нас к моменту ее нападения на нас. Я прошу Вас, не поддавайтесь и Вы оптимизму и направьте все силы, чтобы с корнем быстро уничтожить силы Петлюры»[26].

На протяжении всех 1920-х гг. советское руководство уделяло большое внимание Польше. Это объяснялось тем, что, еще начиная с 1919 г., западные соседи предпринимали попытки координации своей политики в отношении Москвы. Так, в 1919—1926 гг. состоялось около 60 различных «балтийских конференций» с участием Литвы, Латвии, Эстонии, Финляндии и Польши. Правда, Большой балтийский блок создать не удалось (в значительной степени из-за захвата поляками в октябре 1920 г. Вильно, переданного ранее большевиками Литве), однако эта идея постоянно беспокоила советских руководителей[27]. К тому же еще в январе 1921 г. Польша заключила договор с Румынией о взаимных гарантиях на случай советской агрессии, а в апреле и июне 1921 г. были заключены пакты Румынии с Чехословакией и Югославией, что привело к окончательному оформлению Малой Антанты. К тому же в феврале 1921 г. был заключен франко-польский, а в январе 1924 г. — франко-чехословацкий союзы, в результате чего эта сеть соглашений на рубежах СССР была укреплена поддержкой сильной военной европейской державы[28].

В сложившихся условиях большевики вынуждены были продолжать демонстрировать образцовое решение национального вопроса в УССР, т. е. линию, намеченную в декабре 1919 г. В УССР было издано множество постановлений и декретов о равноправии украинского и русского языков. 21 февраля 1920 г. Всеукраинский ЦИК постановил: «На всей территории Украинской ССР, во всех гражданских и военных учреждениях должен применяться украинский язык наравне с великорусским. Никакое преимущество великорусскому языку недопустимо. Все учреждения, как гражданские, так и военные, обязаны принимать заявления и другие дела как на великорусском, так и на украинском языках и за отказ или уклонение в приеме виновные будут привлекаться по всей строгости военно-революционных законов»[29].

21 сентября 1920 г. Совет народных комиссаров УССР принял постановление о введении украинского языка в школах и советских учреждениях. Государственному издательству вменялось в обязанность «озаботиться изданием... достаточного количества учебных пособий на украинском языке, равно как художественной литературы и всех прочих изданий», популярной и пропагандистской литературы. Исполкомы в обязательном порядке должны были издавать в каждом губернском городе «не менее одной украинской газеты». Во всех губернских и уездных городах должны были создаваться вечерние школы для обучения украинскому языку советских служащих[30].

На X съезде РКП(б) в марте 1921 г. большевики, продолжая начатый курс, признали необходимость: «а) развить и укрепить у себя советскую государственность в формах, соответствующих национальному облику этих народов; б) поставить у себя действующие на родном языке суд, администрацию, органы хозяйства, органы власти, составленные из людей местных, знающих быт и психологию местного населения; в) развить у себя прессу, школу, театр, клубное дело и вообще культурно-просветительные учреждения на родном языке»[31]. Данное положение составляло один из главных принципов курса РКП(б) в национальном вопросе, поскольку «национальный облик» советской власти на советской Украине мог стать мощным пропагандистским оружием в условиях «разделенной» украинской нации.

Это хорошо понимали не только в Москве, но и в Харькове, о чем свидетельствуют письма украинских руководителей И. В. Сталину в сентябре 1922 г. (т. е. в период активного обсуждения проекта объединения советских республик и подготовки к созданию единого государства). Даже такой открытый конфедералист, как Х. Г. Раковский, отстаивая свои принципы построения союза, указывал на необходимость учета внешнеполитического дискурса при разработке большевистской национальной стратегии. В своем письме Сталину 28 сентября 1922 г. он писал: «Форма независимых республик давала нам возможность производить максимум революционного эффекта на всех окраинах, а также за границей. ...Посредством независимости Советской Украины — Советская Федерация имела возможность совершать революционное проникновение в Галицию, Буковину, Бессарабию. Без всякой серьезной надобности мы сами себя лишаем этого оружия и, наоборот, даем польской и румынской буржуазии новое оружие для борьбы с нами и усиления своей национальной политики. По отношению к Украине Польша выступит в роли защитницы ее независимости, признанной Рижским миром»[32].

«Польское влияние» на судьбу Украины как независимой республики (в составе СССР) обуславливалось также и внешнеполитическими расчетами большевистского руководства в связи с грядущей, по их мнению, мировой революции. В первые годы после завоевания власти большевики много говорили о «прямом штурме» бастионов капитализма. Если верить воспоминаниям А. А. Андреева, тогда секретаря ВЦСПС, «Владимир Ильич любил иногда до начала заседания Центрального комитета в кругу собравшихся членов ЦК вслух помечтать с большой уверенностью и надеждой о направлении исторического развития и конечной победе социалистической революции». Ленин подходил с карандашом

в руке к карте мира и, указывая на колониальные страны, говорил: «Вот где заключена величайшая сила социализма — в его решающей борьбе с капитализмом; здесь будет нанесено еще одно смертельное поражение империализму»[33].

В сталинском плане построения единого государства В. И. Ленин видел препятствие на пути объединения пролетариев всех стран в единую семью. Федеральное же устройство государства с наступлением мировой революции сделает возможным присоединение к этому союзу новых республик[34]. Действительно, революция в Германии в ноябре 1918 г., в Венгрии в марте 1919 г. давали на это, казалось бы, все основания. Правда, поведение польских рабочих и крестьян в 1920 г. не укладывалось в готовую схему, но в 1923 г. интенсивно готовилась новая революция в Германии.

Большевистское руководство, хотя и рассчитывало на скорую мировую революцию, однако в то же время прилагало немалые усилия к сплочению недавно созданного Союза ССР — первого в мире пролетарского государства — и всячески противодействовало любым тенденциям, могущим привести к дезинтеграции нового государственного образования. А таким дезинтегрирующим фактором по отношении к Украинской ССР могли стать украинские земли, оказавшиеся в составе других государств — Польши, Чехословакии и Румынии. Польше в этой связи отводилось особое внимание, поскольку именно в ее составе оказался пресловутый «украинский Пьемонт» — Галиция, где украинское движение было значительно более развито, нежели в Буковине или Подкарпатской Руси.

Советское руководство опасалось возможных действий польских властей по «собиранию» украинских земель и стремилось взять инициативу в «украинском вопросе» в свои руки. Весьма показательна в данном плане оценка ситуации органами ВЧК — ОГПУ. 25 июня 1926 г. Ф. Э. Дзержинский писал в Секретно-оперативное управление Г. Г. Ягоде: «Переворот Пилсудского... является выражением националистических сил в Польше, направленных против «России», т. е. нас, целиком поддержанных Англией. Поэтому, безусловно, мы должны все свои силы направить на подготовку к обороне. Объектом захвата поляков будет Белоруссия и Украина — Минск и Киев, как столицы их». Дзержинский ставил перед ОГПУ такие задачи: «...Изучение и постоянное наблюдение за белорусскими и украинскими настроениями, партиями и лицами и крестьянских масс, как враждебных нам, так и дружественных... Изыскивать меры для поднятия в Зап[адной] Белор[уссии] и Зап[адной] Укр[аине] симпатий к нам... Изыскивать меры и постоянно наблюдать за их прове-

дением по улучшению настроения и по отношению к нам (к СССР) населения Белоруссии и Правобережной Украины»[35].

Между тем, внутриполитическая ситуация в стране Советов оставалась довольно сложной. По оценке ГПУ, на Украине был активен политический бандитизм. В обзоре политэкономического состояния СССР за апрель—май 1923 г. подчеркивалось, что переходящие на Украину и частью в Гомельскую и Брянскую губернии банды из Польши и Румынии терроризуют партработников и подготовляют восстание, предполагаемое на 1 июня или 10 июля, ко времени жатвы. «На состоявшемся в Тарлове съезде представителей всех банд присутствовали: Петлюра, Тютюник, генерал Янченко, англичане и французы, при чем последние обещают подвезти бандитам через Польшу 500000 комплектов обмундирования, а англичане — амуницию и боеприпасы», — указывалось в документе[36]. Особенно активно банды действовали в Волынской, Подольской, Киевской, Екатеринославской, Харьковской и Полтавской губерниях. Всего на Украине весной 1923 г., как говорилось в отчетах ГПУ, насчитывалось 57 банд[37].

В этих условиях для большевиков особое значение приобретала проблема обеспечения обороноспособности страны, а положение Красной армии не могло не вызывать беспокойства. Чтобы сократить бремя крупных военных расходов, большевистское руководство пошло на сокращение численности армии. С 1921 по 1924 гг. Красная армия уменьшилась в девять раз, что не могло не сказаться на ее боеспособности[38]. При этом, как говорилось в докладе главнокомандующего всеми вооруженными силами С. С. Каменева и начальника штаба РККП П. П. Лебедева от 23 сентября 1921 г., «сокращение армии в связи с общим внутренним положением в Республике, не позволявшим обнажать от войск ни одного района, привело к тому, что пришлось уменьшить число войск на нашей Западной границе»[39].

Обеспечение красноармейцев было явно недостаточным, и это касалось не только технического вооружения, но и бытовых условий. Казармы требовали ремонта, топлива часто не хватало даже для приготовления пищи и кипятка, не хватало обмундирования, постельных принадлежностей. Красноармейцы были физически истощены, отнюдь не редки были случаи самоубийства (в сохранившихся в архивах служебных записках говорилось даже об эпидемии самоубийств)[40]. «Все партийные и советские постановления о стопроцентном снабжении и армии остались только на бумаге, — указывалось в обращении военных делегатов XI съезда РКП(б) в ЦК РКП(б) (апрель 1922 г.), — на первое февраля

армия была обеспечена: шинелями на 59%, похлетрубахами — на 60%, похлетшароварами — 42%, кожобувью — 75%, натрубахами — 55%, исподбрюками — 53%»[41]. Не хватало продовольствия: продуктов, положенных по пайку, отпускалось в недостаточном количестве, и «армия, в особенности на окраинах, влачит полуголодное существование». Ситуация с фуражом была еще хуже: из 600000 лошадей, бывших в армии в конце 1920 г., в 1922 г. осталось 235000, большая часть лошадей пала[42].

Военных делегатов партийного съезда беспокоило также отставание Красной армии от других стран в области техники. «В то время как у нас на 1000 штыков — 4 орудия, в Польше их приходится 12. У нас на 1000 штыков — 0,44 аэроплана, в Польше — 6,5. Сравнение с армиями более могущественных стран дает еще более невыгодную для нас картину», — говорилось в обращении[43]. Столь же печальная картина вырисовывалась и в докладе от 28 марта 1923 г. заместителя председателя РВМР Э. М. Склянского. Проанализировав состояние Красной армии, Склянский пришел к выводу, что «условия жизни Красной Армии хотя и улучшаются постепенно, но все еще остаются весьма тяжелыми, а мобилизационная готовность весьма низкой»[44]. Склянского беспокоило, что «во многих отношениях кадровая Красная Армия еще не доведена до удовлетворительного состояния. Между тем время не терпит, и при существующем темпе развития нашей армии мы явно отстаем от соседей и утрачиваем возможность влиять должным образом на ход политических событий»[45].

Итогом сложной внешне- и внутриполитической ситуации в стране стало продолжение курса большевиков по созданию «национального облика» союзных республик. Свое логическое завершение данный курс получил на XII съезде РКП(б) в апреле 1923 г., когда была провозглашена политика коренизации партийного и советского аппарата в национальных республиках. Национальный облик советской власти в республиках был тем более важен, что незадолго до XII съезда, а именно 14 марта 1923 г., Совет Послов Антанты признал юридические права Польши на Восточную Галицию. В этих условиях для большевистского руководства важно было создать притягательный образ для западных украинцев, утративших надежды на создание в Восточной Галиции независимого государства. На XII съезде И. В. Сталин призвал «принять все меры к тому, чтобы советская власть в республиках стала понятной и родной.., чтобы не только школы, но и все учреждения, все органы как партийные, так и советские, шаг за шагом национализировались, чтобы они действовали на языке, понятном для масс»[46]. В соответствии с решениями съезда ЦК РКП(б)

разработал конкретные меры по реализации намеченной программы. В документе под названием «Меры по проведению в жизнь постановлений по национальному вопросу, принятых XII съездом и национальным совещанием»[47], речь идет об обязательном преподавании национальных языков как в республиканских совпартшколах, так и «во всех без исключения учебных заведениях национальных областей и республик», о предоставлении «достаточного количества мест» в рабфаках ВУЗов национальных республик и областей представителям «коренной национальности», о систематическом субсидировании национальных газет ввиду их «невозможности немедленного перехода на хозрасчет». Устанавливалось правило, согласно которому «в каждом основном отделе Обкома или нац[ионального] ЦК или зав[едующий] или его зам[еститель] должен быть работником местной национальности». Кроме того, под жесткий контроль подпадали как русские работники, «против которых возникли обвинения в русском шовинизме, колонизаторстве и непонимании задач партии в области национального вопроса», так и любые другие «отдельные работники», уклоняющиеся «в сторону местного шовинизма и национализма» и приверженные «к персональным группировкам и склокам»[48].

Представляется очевидным, что внешний фактор оказывал весьма ощутимое влияние на формирование стратегической линии большевистского руководства в национальном вопросе. Весной — осенью 1919 г., покуда Парижская мирная конференция активно обсуждала проблемы восточных границ Польши и польско-украинский конфликт был далек от своего урегулирования, большевики ориентировались на временный характер созданной Украинской ССР и дальнейшее ее присоединение к РСФСР. Однако когда на рубеже 1919—1920 гг. Польша окончательно избрала активный вариант своей восточной политики, ситуация для большевиков в корне изменилась. «Польская угроза» для большевиков не была пустым звуком: они реально опасались утратить Украину в случае активных действий Польши и намеревались предотвратить такую угрозу умелой национальной политикой. Украина должна была стать образцовой советской республикой, привлекающей симпатии западноукраинского населения. Большевики вынуждены были поддержать лозунг независимого украинского государства, конечно, в единственно приемлемой для них советской форме. Дальнейшие их шаги вольно или невольно были направлены на придание этому государственному образованию, национальному по форме, соответствующего содержания. В конечном итоге рубеж 1919—1920-х годов стал особым периодом в украинской истории, во многом определившим ее дальнейшее развитие.

Примечания

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 48. С. 234—235.

[2] Там же. Т. 35. С. 115—116.

[3] Там же. С. 144.

[4] *Михутина И. В.* Украинский Брестский мир. Путь выхода России из Первой мировой войны и анатомия конфликта между Совнаркомом РСФСР и правительством украинской Центральной рады. М., 2007. С. 229—230.

[5] Первый съезд партийных организаций коммунистов (большевиков) Украины. 5—12 июля 1918 г. Протоколы. Киев, 1988. С. 125—126.

[6] Там же. С. 129.

[7] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 37. С. 234.

[8] *Лозицький В. С.* Політбюро ЦК Компартії України: історія, особи, стосунки (1918—1991). Київ, 2005. С. 20.

[9] *Ленин В. И.* Неизвестные документы. 1891—1922. М., 1999. С. 306.

[10] *Симонова Т. М.* «Прометезим» в восточной политике лагеря Пилсудского в 1919—1926 годах // Иван Александрович Воронков — профессор-славист Московского университета. Материалы научных чтений, посвященных 80-летию со дня рождения И. А. Воронкова (1921—1983). М., 2001. С. 125.

[11] *Михутина И. В.* Некоторые проблемы истории польско-советской войны 1919—1920 гг. // Версаль и новая Восточная Европа. М., 1996. С. 165.

[12] *Ціхаміраў А. В.* Беларусь у сістэме міжнародных адносін перыяду паславаеннага ўладкавання Еўропы і польска-савецкай вайны (1918—1921 гг.). Мінск, 2003. С. 22.

[13] *Срібняк І.* Симон Петлюра на чолі держави та війська. До питання про польско-українські взаємини 1919—1920 рр. // Симон Петлюра та українська національна революція. Збірник праць другого конкурсу петлюрознавців України. Київ, 1995. С. 142.

[14] Там же. С. 143.

[15] *Симонова Т. М.* Указ. Соч. С. 126.

[16] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 40. С. 42, 45—46.

[17] *Ленин В. И.* Неизвестные документы... С. 314.

[18] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 51. С. 141—142.

[19] *Никонов В. А.* Молотов: Молодость. М., 2005. С. 492.

[20] Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Коминтерн. 1919—1943. Документы. М., 2004. С. 54—55.

[21] Там же. С. 53.

[22] Там же.

[23] Там же. 63.

[24] *Матвеев Г. Ф.* Российско-украинский конфликт в планах польской дипломатии и военных кругов в межвоенный период // Россия — Украина: история

взаимоотношений. М., 1997. С. 240—241.

25 *Трощинський В. П.* Міжвоєнна українська еміграція в Європі як історичне і соціально-політичне явище. Київ, 1994. С. 20.

26 Феликс Дзержинский. Дневники. Письма. М., 2007. С. 325.

27 *Кен О. Н., Рупасов А. И.* Политбюро ЦК ВКП(б) и отношения СССР с западными соседними государствами (конец 1920-х — 1930-х гг.). Проблемы. Документы. Опыт комментария. Ч. 1. Декабрь 1928 — июнь 1934 г. СПб., 2000. С. 80—81.

28 Там же.

29 До історії міжнаціональних процесів на Україні // Український історичний журнал. 1990, № 6. С. 110.

30 Там же. С. 112.

31 *Сталин И. В.* Об очередных задачах партии в национальном вопросе. Тезисы к X съезду партии // *Сталин И. В.* Марксизм и национально-колониальный вопрос. Сб. статей и речей. М., 1937. С. 70.

32 Известия ЦК КПСС. 1989. № 9. С. 212.

33 *Никонов В. А.* Указ. соч. С. 629.

34 Там же. С. 657.

35 Феликс Дзержинский... С. 427.

36 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 87. Д. 177. Л. 195.

37 Там же. Л. 196.

38 *Кудряшов С.* «Серп все ржавеет, а молот блестит». О состоянии Красной армии и обороне страны в 1920-е годы // Родина. 2007, № 10. С. 76—77.

39 Вестник Архива Президента Российской Федерации. Красная Армия в 1920-е годы. М., 2007. С. 14.

40 Родина. 2007, № 10. С. 79—85.

41 Вестник... С. 19.

42 Там же.

43 Там же.

44 Там же. С. 36.

45 Там же.

46 XII съезд РКП(б). Стенографический отчет. М., 1968. С. 489.

47 Четвертое совещание ЦК РКП(б) с ответственными работниками национальных республик и областей, 9—12 июня 1923 г.

48 РГАСПИ. Ф. 50. Оп. 1. Д. 1. Лл. 55—62.

М. Волос

Польская военная организация в России и на Украине в 1917—1918 годах

Февральская, а затем Октябрьская революции в 1917 г. в России дали надежду Юзефу Пилсудскому и связанным с ним людям на то, что возможности для их деятельности значительно расширятся. Имеются в виду прежде всего военные вопросы. В результате разложения российской армии, происходившего все быстрее после Февральской революции, начали формироваться польские армейские части. В их состав входили солдаты из царской армии и военнопленные, попавшие в русский плен. Эти процессы значительно ускорил приход к власти большевиков в конце 1917 г., а также начавшаяся в России гражданская война.

Еще до своего ареста в ночь с 21 на 22 июля 1917 г. Ю. Пилсудский вынашивал планы перенести центр акции поляков по завоеванию независимости своей страны в Россию и использовать солдат польской национальности в качестве широкой базы для своей дальнейшей активности[1]. Эти действия должны были быть направлены против государств Центральной Европы, то есть Германии и Австро-Венгрии. Арест коменданта Пилсудского, а затем заключение его в крепости Магдебурга не столько перечеркнули осуществление этих планов, сколько отодвинули их по времени. Следует добавить, что одной из причин ареста, официально объявленной германскими властями, было избрание Пилсудского почетным председателем Съезда поляков-военнослужащих в России, проходившего в Петрограде 7 июня 1917 г. Кандидатура Пилсудского была предложена Игнацием Матушевским, и таким образом, как пишет Анатолий Мюльштейн, была «проявлением уважения к создателю первых польских вооруженных сил со стороны польских солдат по другую сторону фронта»[2].

Польская Военная Организация (ПВО) была формированием подпольным, созданным осенью 1914 г. по инициативе Ю. Пилсудского[3]. После того, как немцы и австрийцы захватили земли Царства Польского в 1915 г., ПВО лишь частично в открытую заявила о себе перед оккупантами. Остальная ее часть оставалась в подполье[4]. На протяжении всего периода Первой мировой войны ПВО была инструментом в руках Пилсудского, который использовал ее для подпольной работы, направленной

Оглавление